

Мари 0

ТЁМНЫЙ
ЭМИРАТ

18+

Мари О
Тёмный эмпат

«Автор»

2026

О М.

Тёмный эмпат / М. О — «Автор», 2026

Он научил меня управлять своей тьмой. А потом попытался меня сломать. Я ушла от одного монстра, чтобы стать королевой в королевстве другого. Теперь я играю по-крупному: манипулирую политиками, рушу империи и собираю скальпы. Но самая опасная игра — это та, что я веду с самой собой. Добро пожаловать в мой мир. Выживут не все. Я читаю людей, как раскрытую книгу. И мне надоело быть библиотекарем. Теперь я пишу для них финал. Тёмная эмпатия — это не дар, это моя сила. Я сама решу, кем мне быть. А ты реши, стоит ли тебе это читать.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Тишина	7
Глава 2. Сканирование	10
Глава 3. Знакомство вслепую	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мари О

Тёмный эмпат

Пролог

Ночь пахла озоном, мокрым асфальтом и опасностью. Я стояла на крыше небоскреба, и ветер, пахнувший близким дождем, рвал на мне одежду. Внизу, под ногами, раскинулся город — море огней, в котором тонули крики и мечты миллионов. Я была над ними. Я была их тенью.

Я знала, что он здесь. Чувствовала его присутствие так же остро, как биение собственного сердца. Он не пытался скрыться. Он хотел, чтобы я его нашла.

— Ты опоздала, — его голос раздался из темноты за моей спиной. Он не кричал, но звук легко перекрыл гул ветра и далекий вой сирен. В нем не было ни капли удивления. Только констатация факта.

Я медленно обернулась. Он стоял у выхода на лестничную клетку, прислонившись к бетонной перегородке. Свет от уличного фонаря выхватывал из мрака лишь контур его фигуры, но я видела его так же ясно, как при ярком солнце. Высокий, широкоплечий, опасный. Черная рубашка с закатанными до локтей рукавами открывала сильные предплечья.

— Пробки, — ответила я, не двигаясь с места. Ветер хлестал меня по лицу прядями волос.

Он оттолкнулся от стены и сделал шаг ко мне. В его движениях не было ни спешки, ни угрозы — только ленивая грация хищника, который знает, что добыча уже никуда не денется.

— Ложь, — его голос стал ниже, в нем появились бархатные, вибрирующие нотки. — Ты не опоздала. Ты тянула время. Ты боишься.

Он был прав. Я боялась. Не его физической силы или жестокости. Я боялась того, что он делал со мной одним своим присутствием. Он был моей противоположностью, моим отражением в темном зеркале.

Он подошел вплотную. Я не отступила. Я никогда не отступала.

— Что ты видишь? — прошептал он, поднимая руку и почти касаясь моего лица. Его пальцы замерли в миллиметре от моей кожи, но я чувствовала их жар. — Когда смотришь на меня?

Я закрыла глаза.

Я видела всё.

Я видела пустоту за его маской безразличия. Видела ледяную бездну там, где у других людей бьется сердце. Видела шрамы от чужих предательств, которые он превратил в броню.

— Я вижу то, что ты прячешь, — выдохнула я, открывая глаза и глядя прямо в его тьму. — Я слышу то, что ты молчишь.

Он усмехнулся. Это была не улыбка, а хищный оскал.

— Ты думаешь, я буду плакать? Но ты ошибалась, малыш.

Его рука легла мне на затылок, пальцы зарылись в волосы, сжимая их до легкой боли. Он притянул меня к себе с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Его губы обрушились на мои — это был не поцелуй, а утверждение права собственности. Жестокое, властное, лишенное нежности.

Я ответила ему с той же яростью. Я вцепилась в его плечи, царапая кожу через ткань рубашки. Я хотела причинить ему боль, хотела оставить на нем свой след. Я укусила его за губу до металлического привкуса крови во рту.

Он зарычал мне в рот — низко, утробно — и одним движением развернул меня спиной к себе. Я уперлась ладонями в холодный бетон парапета крыши. Город под нами завертелся в бешеном калейдоскопе огней.

Его горячее дыхание обжигало мне шею.

— Ты выросла из этой роли? — хрипло спросил он, задирая мою юбку и с треском разрывая кружево белья. Звук рвущейся ткани прозвучал как выстрел в ночной тишине. — Думаешь, ты теперь скала?

Он вошел в меня резко, одним толчком, до упора. Я вскрикнула — от смеси острой боли и пронзительного удовольствия. Он не дал мне ни секунды на привыкание, начиная двигаться в жестком, безжалостном ритме.

Это было насилие без ненависти и страсть без любви. Это была чистая химия распада двух темных материй при столкновении.

Его рука сжала мое горло, не перекрывая воздух, но напоминая о власти.

— Ты думаешь, ты теперь сама себе сила? — прорычал он мне на ухо с каждым толчком. — Ты все еще моя... Ты всегда будешь моей...

Я откинула голову назад, упираясь затылком в его плечо, и выгнулась дугой навстречу его движениям. Мир сузился до этой крыши, до его рук на моем теле и этого дикого, первобытного ритма. Мы были двумя штормами, слившимися в один ураган.

Оргазм накрыл нас одновременно — сокрушительный взрыв энергии, который заставил меня кричать в пустоту над городом, а его — зарычать от собственного бессилия перед этой вспышкой.

Мы рухнули на мокрый бетон крыши обессиленной грудой тел. Он все еще был во мне, тяжело дыша мне в шею.

Внизу по-прежнему выли сирены и текла чужая жизнь.

Он первым нарушил тишину:

— Это ничего не меняет.

Я повернула голову и посмотрела на него через плечо. В его глазах все еще бушевала тьма.

— Для меня меняет всё.

Я поднялась на ноги и поправила одежду. Он остался сидеть на холодном бетоне, глядя на меня снизу вверх с пугающей смесью ярости и восхищения.

Я подошла к краю крыши и посмотрела вниз. Падение отсюда было бы долгим и окончательным.

Но я уже падала.

И он был тем ветром, который толкал меня в спину.

***

Глава 1. Тишина

Тишина — это обман. Люди думают, что это отсутствие звука, вакуум, пустота. Они ошибаются. Тишина — это самый громкий крик, который ты просто не умеешь слышать. Я умею. Я слышу, как в этой звенящей пустоте умирают клетки, как замедляется ток крови, как рвутся невидимые нити, связывающие душу с телом. Я слышу это прямо сейчас.

Мне 16 лет. Комната пахнет лавандой и лекарствами. Я сижу на полу у кровати, сжимая сухую, почти невесомую руку бабушки. Её глаза закрыты, но я знаю — она не спит. Я чувствую это. Это не страх и не боль. Это... отпускание. Словно огромный воздушный шар, наполненный жизнью, медленно отрывается от земли и улетает в холодное небо. Я не плачу. Я пытаюсь вдохнуть этот шар в себя, удержать его, потому что её уход оставляет во мне дыру размером с галактику. Но шар слишком велик. Он просто проходит сквозь меня, оставляя после себя звенящую, оглушительную тишину и привкус полыни на языке.

Я моргаю, возвращаясь в реальность своей стерильной квартиры-студии. Здесь нет ничего лишнего: белый диван, стеклянный столик, одна картина — черно-белый снимок ночного города с высоты птичьего полета. Света нет. Зачем он мне? Я вижу и в темноте.

Мой взгляд упирается в стену напротив кровати. Там нет фотографий в рамках или постеров. Там висит невидимый гобелен из шрамов и ожогов. Это моя коллекция трофеев.

«Ты думал, я буду плакать, но ты ошибался, малыш».

Мой внутренний голос звучит ровно и глухо, как эхо в бетонном колодце. Он напевает эту строчку без мелодии, просто проговаривает слова, чтобы не сойти с ума от тишины вокруг и той, что внутри.

Я встаю и подхожу к стене вплотную. Я не касаюсь её руками, я касаюсь её памятью.

Вот здесь — шрам от Артёма. Идеальный менеджер среднего звена с глазами побитой собаки. Он был моим первым осознанным трофеем. Я купилась на его «боль». Он так виртуозно транслировал её в мир: «Я так устал», «Меня никто не понимает», «Моя работа высасывает из меня все соки». Я впитывала это как губка. Его страдания становились моими мигренями, его неуверенность — моей дрожью в коленях на важных встречах. Я пыталась его спасти. Глупая девочка.

«Ты привык, что я таю от боли, что боль твоя становится моей».

А потом я увидела его истинное отражение. В момент оргазма, когда его маска сползла окончательно, я почувствовала не любовь или нежность. Я почувствовала триумф хищника. Он питался моей эмпатией. Он был энергетическим вампиром высшего порядка, который маскировался под жертву. Он не просто жаловался — он заставлял меня *жить* его проблемами, чтобы самому не тратить на них ни капли энергии.

Я отпустила его не со слезами. Я отпустила его с ледяной улыбкой и знанием его самого грязного секрета: он воровал деньги из кассы компании на свои онлайн-игры. Знание — это власть. А власть над чужой тайной — это сталь.

Я перевожу взгляд правее.

Здесь ожог от Кирилла. С ним было жарко до безумия. Страсть была такой плотной и осязаемой, что её можно было резать ножом и мазать на хлеб вместо масла. Но под этой лавой желаний скрывалась выгребная яма ревности и собственничества. Он хотел владеть мной целиком, включая мои мысли и чувства к другим людям. Он ревновал меня к официанту в кафе за то, что тот улыбнулся мне слишком тепло.

«Но я выросла из этой роли».

Я научилась не впитывать чужую боль. Я научилась её препарировать. Когда Кирилл в очередной раз закатывал сцену ревности из-за лайка незнакомому парню в соцсети, я не оправдывалась и не плакала. Я просто смотрела ему в глаза и транслировала обратно его собствен-

ный страх одиночества, умноженный на тысячу. Я швырнула ему в лицо всю ту неуверенность, которую он так тщательно прятал за мускулами и дорогими часами. Он сломался за один вечер. Собрал вещи и ушел к той, кто будет просто молча кивать и варить ему борщ.

«Каждую слезу, что лила по ночам... каждую ночь, что я не спала... я превратила в сталь».

Я провожу рукой по воздуху над воображаемым гобеленом. Каждый узелок на нём — это урок выживания.

«Я теперь не твоя, я скала».

Они называют меня тёмной. Мужчины, которые пытаются залезть мне под кожу со своими «я такой сложный», «у меня было трудное детство». Они боятся моей глубины? Смешно. Они боятся увидеть на дне моего омота своё собственное отражение — уродливое, жалкое и виноватое.

«Меня называют тёмной, боятся моей глубины».

Я не тёмная. Я — зеркало их вины.

«А вы просто не знали, что я — отраженье вины».

Это мой дар и моё проклятие с рождения. Я вижу то, что ты прячешь за улыбкой успешного человека или маской заботливого друга. Я слышу то, что ты молчишь даже во сне.

Мне пять лет. Мама обнимает папу на кухне и говорит: «Всё хорошо». А я чувствую запах чужих духов от его рубашки и липкую волну паники от мамы — она боится потерять стабильность.

Я читаю вас как раскрытую книгу с вырванными страницами начала и конца. Мне не нужна вся история вашей жизни, чтобы понять финал этой главы.

«Раньше я падала в эту интригу...»

Раньше я пыталась их спасти. Пыталась согреть своим теплом тех, кто хотел лишь погреть руки у моего костра. Я падала в их пропасти с головой, задыхаясь от чужой тьмы.

«...а теперь просто мимо иди».

Эпоха спасательницы закончилась в ту ночь, когда Кирилл хлопнул дверью. Я стояла посреди пустой квартиры и впервые за много лет прислушалась к себе. К тишине внутри меня самой.

Она была оглушительной.

И тогда я приняла решение: больше никакой боли для других за свой счет.

«Я все чувства твои отпустила».

Это был самый сложный урок — научиться закрываться от эмпатии по щелчку пальцев. Не чувствовать всё подряд как губка для мытья посуды. Теперь это работает как радар: я включаю его только тогда, когда мне нужно просканировать цель.

«Я теперь сама себе сила».

Я отворачиваюсь от стены-трофея и подхожу к панорамному окну. Город внизу живет своей жизнью: тысячи людей бегут по своим делам, влюбляются, предаются, лгут сами себе прямо сейчас. Каждый из них несет в себе груз тайн.

Мой телефон вибрирует на столике. Сообщение от Лики: «Ты помнишь про ужин? Мы идем с +1!»

Лика — моя единственная подруга из прошлой жизни той девочки-губки. Она до сих пор верит в сказки про принцев и думает, что мне просто «не везет» с мужчинами.

«+1» означает свидание вслепую.

Я смотрю на свое отражение в темном стекле окна. На меня смотрит женщина с холодным взглядом человека, который видел слишком много изнанки этого мира.

«Тёмный эмпат — я чувствую больше».

Я беру телефон в руки и быстро печатаю ответ: «Ок».

Внутри меня нет предвкушения или страха перед очередным разочарованием. Есть лишь профессиональный интерес исследователя к новому образцу биоматериала под микроскопом свидания вслепую.

«Ваши слёзы — не мой крест».

Я выключаю свет окончательно и ложусь в постель прямо в одежде. Завтра будет новый день и новый мужчина со своим набором скелетов в шкафу.

«Тёмная эмпатия — дар или проклятие?»

Я знаю ответ на этот вопрос уже давно.

«Я сама решу, кем мне быть».

С этими мыслями я закрываю глаза и проваливаюсь в сон без сновидений — единственную доступную мне форму абсолютной тишины перед новым днем шума чужих душ.

***

Глава 2. Сканирование

Утро понедельника пахнет дешевым кофе и корпоративным лицемерием. Я ненавижу понедельники не из-за начала рабочей недели, а из-за того, что именно в этот день офисный планктон наиболее активно пытается казаться живым. Они натягивают на лица маски «успешных и мотивированных», но их ауры кричат об обратном: о недосыпе, о ссоре с женой, о похмелье и о липком страхе перед отчетом.

Я сижу в своем кабинете — стеклянном кубе на пятнадцатом этаже бизнес-центра. На двери табличка: «Корпоративный психолог Арина Воронцова». Для них я — штатный психотерапевт, который должен гладить по головке и выписывать больничные от выгорания. Они не знают, что я здесь для другого. Я — детектор лжи с человеческим лицом.

В кабинет заходит следующая жертва моего профессионального цинизма. Михаил. 34 года. Кандидат на должность финансового директора. В резюме: «стрессоустойчивый», «командный игрок», «лидерские качества». Я улыбаюсь ему профессиональной улыбкой, от которой у меня уже сводит скулы.

— Михаил, присаживайтесь. Чай? Кофе? — мой голос звучит мягко, как бархат.

Он садится в кресло напротив, закидывает ногу на ногу. От него исходит тяжелый, густой запах парфюма, который призван скрыть что-то более неприятное. Я включаю свой радар.

Первое касание его поля — это глухая стена. Он закрыт. Но я не тороплюсь. Я просто смотрю на него, позволяя ему заполнить тишину своей болтовней. Он рассказывает о своих достижениях, о том, как он «поднял с колен» три компании. Слова льются гладко, отретпетированно. Но я не слушаю слова.

Я вижу его.

В его левом глазу дергается едва заметная жилка, когда он говорит о «командной работе». Это тик лжеца, который ненавидит людей и презирает подчиненных. Я чувствую это физически — холодную, брезгливую волну, которая исходит от него при упоминании коллектива.

«Ты прячешь свою социопатию за маской эффективного менеджера», — думаю я, сохраняя на лице выражение вежливого интереса.

Он делает паузу, чтобы глотнуть воды. И в этот момент защита падает на долю секунды. Я ныряю глубже.

Бах!

Ударная волна чужой вины и животного страха бьет меня под дых, хотя внешне я даже не вздрогнула. Я вижу образы: полумрак кабинета, дрожащие руки, рассыпанные по столу белые таблетки... Он что-то украл. И не просто деньги из кассы. Это крупнее. Это системно. Он выводил активы через офшоры на предыдущем месте работы, и его чуть не поймали за руку в последний день. Он до сих пор просыпается в холодном поту, ожидая звонка от службы безопасности той компании.

Я вижу шрам на его душе — глубокий, гнойный рубец от предательства партнера, который его подставил и ушел сухим из воды. Михаил не умеет прощать. Он умеет только мстить и прятаться.

«Я вижу то, что ты прячешь», — мысленно произношу я строку из своей мантры.

— Михаил, расскажите мне о самом сложном решении, которое вам приходилось принимать в бизнесе? — мой голос звучит почти интимно, понижаясь до доверительного полупшепота.

Он напрягается. Он чувствует ловушку, но не понимает где. Его ментальный щит снова встает на место, но трещина уже есть.

— Это было связано с оптимизацией штата... — начинает он стандартную заготовку про «сложные решения».

Я поднимаю руку, прерывая его. Он замолкает на полуслове, глядя на меня с легким недоумением и страхом.

— Нет-нет, Михаил, — я наклоняюсь чуть вперед, впиваясь в него взглядом своих темных глаз. — Не корпоративные лозунги. Правду. Что-то личное. Что-то... грязное. То решение, после которого вы неделю не могли спать и пили коньяк прямо из горлышка в четыре утра?

Его лицо бледнеет. Тик в глазу становится лихорадочным. Он думает, что я экстрасенс или просто невероятно проницательна. Он не знает, что я просто вижу его насквозь.

— Я... я не понимаю... — он пытается вернуть себе контроль, но его голос предательски дрожит.

— Понимаете, Михаил, — я откидываюсь на спинку кресла и складываю пальцы домиком. — Финансовый директор — это не про цифры в Excel. Это про доверие к самым темным тайнам компании. А я сейчас вижу перед собой человека с очень темным прошлым и огромным багажом вины. Вы не командный игрок. Вы волк-одиночка, который предаст при первой же серьезной угрозе своему благополучию.

Он вскакивает с кресла так резко, что оно с грохотом отъезжает назад.

— Это незаконно! Вы не имеете права копаться в моей личной жизни! Я буду жаловаться!

— Конечно, — спокойно киваю я. — Можете жаловаться моему начальству или сразу в суд. Но должность вы не получите. И знаете почему? Потому что я уже написала отчет для HR-отдела. В нем сказано: «Кандидат психологически нестабилен, склонен к деструктивному поведению под давлением и имеет высокий риск саботажа». А теперь прошу вас покинуть кабинет.

Он стоит еще несколько секунд, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. В нем клокочет ярость и унижение. Я чувствую это как едкую кислоту в воздухе.

«Ты думал, я буду плакать? Но ты ошибался».

Он разворачивается и почти выбегает из кабинета, забыв свой дорогой портфель у моего стола.

Я остаюсь одна в звенящей тишине стеклянного куба. Я смотрю на свое отражение в тонированном окне небоскреба. На меня смотрит хищница в деловом костюме.

Я только что использовала свой дар не для сострадания, а для разрушения чужой карьеры. И я не чувствую ни капли угрызений совести.

«Тёмный эмпат — я вижу насквозь вас».

Я беру ручку и ставлю жирную галочку в своем мысленном списке трофеев рядом с именем Михаила. Еще одна победа над чужой тьмой.

Мой телефон вибрирует. Сообщение от Лики:

«Вечером идем в "Белый кролик"! Не вздумай соскочить!»

Я смотрю на время. До вечера еще много часов пустой офисной тишины и чужих испуганных душ за дверью кабинета.

«Я ваш страх».

Я улыбаюсь своему отражению и возвращаюсь к просмотру следующего резюме.

***

Глава 3. Знакомство вслепую

Ресторан «Белый кролик» — это место, где еда возведена в ранг высокого искусства, а цены заставляют подавиться даже тех, кто привык не смотреть на цифры. Я ненавижу пафос, но Лика выбрала это место, а я не стала спорить. В конце концов, наблюдать за человеческими порциями лицемерия в дорогой обертке — это часть моей работы.

Я пришла на двадцать минут раньше. Это моя тактика. Я не позволяю застать себя врасплох. Я сижу за столиком у окна, пью минеральную воду с лимоном и сканирую зал. Официанты скользят как тени, гости натужно смеются, пытаюсь перекрыть звоном бокалов неловкость первых минут свидания.

Лика врывается в зал как ураган в шифоновом платье. Она — моя полная противоположность: открытая, солнечная, верящая в добро. Её эмпатия — это тёплое одеяло, которым она пытается укрыть весь мир. Моя — это скальпель.

— Привет! — она чмокает меня в щеку, пахнущую какими-то немислимо дорогими духами. — Ты уже здесь? Супер! Он опаздывает, но это даже к лучшему! Я так рада, что ты пришла! Ты же помнишь Егора? Я говорила о нем.

Я помню только имя. Лика постоянно пытается меня с кем-то свести, веря, что «правильный мужчина» способен исцелить мою «циничную душу». Она не понимает главного: моя душа не больна. Она просто эволюционировала.

— Он... особенный, — шепчет Лика, наклонившись ко мне. — Не такой, как все эти твои «проекты». Он не играет в игры. Он... настоящий.

Я едва заметно усмехаюсь. «Настоящий» — самое опасное слово в лексиконе обманщиков. Самые искусные лжецы всегда «настоящие».

В этот момент входная дверь открывается, впуская в кондиционированную прохладу ресторана порыв вечернего ветра и высокую мужскую фигуру. Он не ищет нас глазами. Он просто входит в пространство и заполняет его собой. На нем темно-серый костюм, который сидит так идеально, словно он в нем родился, и черная водолазка под горло. Никаких кричащих брендов, но качество ткани ощущается на расстоянии.

Он идет к нам не торопясь. В его походке нет суеты или нервозности. Это походка человека, который точно знает, что мир подождет.

— Арина, — Лика сияет. — Егор.

Он останавливается у нашего столика. Я поднимаю на него взгляд. Первое, что я делаю — пытаюсь прощупать его эмоциональное поле.

Ничего.

Это как упереться лбом в стену из полированного обсидиана. Ни тепла, ни холода. Ни волнения от встречи со мной (я умею считывать этот первичный интерес), ни снисходительного высокомерия. Пустота. Абсолютная и пугающая тишина.

Я вижу его: высокие скулы, тяжелый подбородок, глаза цвета мокрого асфальта. В них нет блеска жизни или искры любопытства. В них просто... ничего нет.

— Приятно познакомиться, Арина, — его голос низкий, с легкой хрипотцой. Он говорит это не из вежливости. Он констатирует факт.

Он садится напротив меня. Расстояние между нами кажется непреодолимой пропастью.

Я смотрю ему прямо в глаза и не моргаю. Я бросаю вызов этой пустоте.

— Взаимно, Егор.

Лика щебечет что-то о меню, о закусках, пытаюсь разрядить обстановку, которую она ошибочно принимает за неловкость. Она не видит того, что вижу я: мы с Егором ведем безмолвную дуэль. Он пытается считать меня своим холодным взглядом, а я бьюсь о его броню в попытке найти хоть одну брешь.

Я чувствую его физическое присутствие: от него пахнет дорогим парфюмом с нотами кедра и табака и чем-то еще... чем-то первобытным и холодным, как воздух в горах.

— Лика сказала, вы психолог? — спрашивает он, не отрывая от меня взгляда.

— Корпоративный психолог, — уточняю я.

— Значит, вы умеете видеть людей насквозь?

Это не вопрос. Это проверка.

«Тёмный эмпат — я вижу насквозь вас».

Я позволяю себе легкую улыбку — ту самую, которая пугала Михаила до дрожи в коленях.

— Я умею видеть то, что люди хотят показать мне. Редко кто показывает правду с первого раза.

Его губы едва заметно дергаются в намеке на улыбку. Это первая эмоция за вечер.

— А вы? Вы показываете правду?

Я наклоняю голову набок, изучая его лицо в ответ.

— Я сегодня в роли наблюдателя. Изучаю новый вид.

В его глазах на долю секунды что-то мелькает. Не гнев и не обида. Скорее... интерес хищника, заметившего достойного соперника по силе? Или это игра света?

Лика наконец понимает, что её болтовня здесь лишняя и замолкает, глядя на нас с детским восторгом. Она думает, что между нами проскочила искра.

Она ошибается.

Между нами проскочил электрический разряд короткого замыкания двух противоположных полюсов.

Егор откидывается на спинку стула и складывает руки на груди — закрытая поза абсолютной уверенности в себе.

— И каковы первые выводы наблюдателя?

Я смотрю на него и вижу перед собой идеальную загадку. Он не излучает эмоций для меня *потреблять*. Он сам является вакуумом. Я привыкла быть зеркалом чужих страстей и боли. Но передо мной стоит черное зеркало, которое ничего не отражает обратно.

«А вы просто не знали, что я — отраженье вины».

Я решаю пойти ва-банк. Я отключаю свой профессиональный фильтр и делаю то, чего не делала давно: я пытаюсь пробить его защиту чистой эмпатией — волной тепла и искреннего интереса к его личности как к феномену.

Ничего. Стена стала еще толще.

Я чувствую легкое головокружение от удара об эту преграду. Это похоже на попытку обнять статую из льда: ты чувствуешь холод еще до того, как коснешься её, а прикосновение отнимает все тепло из твоих рук.

Я первая отвожу взгляд и беру бокал с водой.

— Выводы делать рано. Но вы... интересный экземпляр.

Он усмехается уже открыто, показывая идеально ровные зубы.

— Экземпляр? Вы действительно видите во мне объект для изучения?

— А разве это не взаимно? Вы смотрите на меня так же пристально.

Он кивает, соглашаясь.

— Верно. Но я смотрю на вас без фильтров эмпатии. Я просто вижу красивую женщину с очень умными и очень холодными глазами.

Лика шумно вздыхает от этой «романтики». Мы с Егором игнорируем её звуковым фоном.

«Тёмная эмпатия — дар или проклятие?»

«Я сама решу».

В этот момент я принимаю решение. Этот мужчина — не трофей для моей коллекции шрамов других мужчин. Он сам по себе является оружием другого калибра. С ним нельзя играть по старым правилам «поймай и отпусти». С ним придется играть на выживание.

И впервые за долгое время я чувствую азарт охотника перед охотой на зверя крупнее себя самой.

Ужин проходит в молчании, которое говорит больше любых слов. Мы изучаем друг друга через стол под щебетание Лики о каких-то общих знакомых. Егор заказывает стейк прожарки rare и пьет только черный кофе без сахара.

Когда приносят счет (огромную сумму), он достает платиновую карту одним движением руки, даже не глядя на терминал.

Перед тем как уйти, он наклоняется ко мне чуть ближе, чем требуют приличия:

— Арина... Вы сказали «интересный экземпляр». Я отвечу тем же: вы самый интересный человек из всех, кого я встречал за последние несколько лет.

Он оставляет свою визитку на столе рядом с моей тарелкой — простой черный прямоугольник с серебряным тиснением имени и номера телефона. Никаких должностей или логотипов компаний.

Мы смотрим друг другу в глаза еще секунду дольше положенного социального этикета.

Затем он разворачивается и уходит так же бесшумно, как и появился.

Лица визжит от восторга:

— О боже! Это было ТАК напряженно! Вы просто испепеляли друг друга взглядами! Это же идеально!

Я беру его визитку кончиками пальцев. Черный картон кажется ледяным на ощупь.

Я смотрю ему вслед через панорамное окно ресторана. Он садится в припаркованный у входа черный внедорожник с тонированными стеклами и уезжает в ночь.

«Тёмная эмпатия — моё расписание».

Я только что добровольно шагнула навстречу своему самому главному испытанию.

И мне это нравится.

*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.